

Мечтатели

Мария Дьяченко

Мария Дьяченко

Мечтатели

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70507486
SelfPub; 2024*

Аннотация

Три персонажа с обыкновенными человеческими мечтами. Кажется, их жизнь – самая что ни на есть ординарная, незамысловатая, простая. А вдруг всё совсем не так? Возможно ли, что мы упускаем что-то важное – особое обстоятельство, которое переворачивает наше отношение к их простым мечтам?

Мария Дьяченко

Мечтатели

Постель

Я люблю нашу теплую постель. Лежу и думаю, как здесь страшно уютно, как не хочется вылезать во вне, в этот холодный беспокойный мир. Проклятые ноги мёрзнут, но поначалу так всегда со мной. Совсем рядом, как водится, в шею сопит знакомый нос.

В темноте представляю звезды, полную плашку луны, чистойшей воды небосвод. Луна светит ярко и понятно, она поёт свою колыбельную всему человечеству, моим родным и мне лично. Последние месяцы мы с ней изрядно подружались. Она – связующее звено, передатчик посланий внешнему миру. Крикнешь ей мысленно, отправишь пламенный привет, и будь уверен – долетит. Вот такое лунное радио выходит. Самое надежное!

Люблю тихие ночи, когда на улице минус адский, а здесь – обволакивающая темнота и покой, сонное царство. Слышу сквозь пелену лишь завывания ветра, но это приятные звуки, не громкие, – белый шум, убаюкивающий, добрый. Рад быть по эту сторону тепла.

Тепло – это вообще важно. Закрываю глаза – и вот я уже в

бочке. Горячей, с травами, пар столбом. Одна нога перемаживает через бортик, за ней – вторая. Невероятное счастье, полное благоухания и неги. Мечтать не вредно. Аж в туалет захотелось. Но нет, не время. Придется терпеть до утра, мне ни за что сейчас не выбраться из постели.

Последнее время я засыпаю на раз-два. Никаких тебе бессмысленных разворотов вокруг своей оси, телесных чесаний и посторонних мыслей. Все силы, как и положено, отбирает день, а ночи оставляет краткий привет Луне и мертвый сон без картинок. Удобно, нечего сказать.

Помню раньше, у меня был целый ритуал, чтоб уснуть. А потом просыпаться посреди ночи, со странными мыслями, пережевывая их до утра. И ночь насмарку, и последующий день. Вот что ж тебе было нужно? Спи себе на ароматных простынях и не ерзай. Как ни посмотри, моя сегодняшняя ситуация в этом смысле хороша. Конечно, надо признать, здесь тесновато, но уж точно лучше, чем где-то, поэтому спим и не жалуемся.

Стол

Я люблю поесть. Конечно, приличной девушке не пристало целыми днями мечтать о яствах, но ничего не могу с собой поделать. Блинчики с маслицем и вареньем, сметанкой, сгущенкой! Хлебушек – горячий, пахнущий счастьем. Шоколад молочный с кружкой какао – чистый восторг! Бабуш-

кины котлетки с картошечкой, её же мелкорубленная окрошечка и борщик с зеленью. И, о да, горячая манная кашка в миске с клубничным вареньицем по центру, которую я, кстати, еще в прошлом году терпеть не могла. Как же быстро вкусы меняются.

Иногда я представляю себя в столовой, где нет никого, кроме меня. Здесь мне радостней, чем в парке развлечений. А, главное, вокруг – ни души. Я хватаю всё подряд и за щеки, как хомяк. В моей тарелке печеньки, яйца, плов, сырнички, консервированный горошек с селедочкой и лучком. Справившись с первой порцией, замечаю холодец с горчичкой и пироги с капусткой и икрой – ну как тут устоять! На огромном хрустальном блюде – арбузы, персики, виноградик: малящие, соченькие, сладенькие. Я съедаю всё до последней капельки и набираю ещё. Временами здесь же вижу маму с отцом и брата.

Наверное, вы думаете, что при таких мыслях я – толстая. А вот и нет. Возможно, слегка опухшая, но уж точно не толстая. Я бы сказала, даже наоборот. Иногда, смотрясь в зеркало, я замечаю крошки хлеба в волосах и, быстро, пока никто не видит, отправляю их в рот. Вот такая я обжорка.

Мама

Я люблю маму. Её руки – самые мои, не как у других мам. Теплые и сильные, мягкие и розовые, с полосочками от вё-

дер. Я б их с закрытыми глазами узнал. Они всё умеют. И лечить, и вкусно готовить, и тяжести таскать, и гладить меня по голове – так приятно, тихо.

Моя мама – очень добрая. От ее голоса – тепло внутри. А песни у мамы – смешные, про всё на свете. Про картошкины очистки, про горе-печку и талый снег, про Реку и топанье по мостовой, и даже про отца с сестрой. Мама без песни – никуда. Говорит, жить так веселее.

А еще моя мама – щекотная. Как поймает на кровати: кусает шею, живот понарошку. Я кричу, смеюсь, вырываюсь. А она – давай кончиком косы щекотать. Мне нравятся ее длинные волосы: красивые, желтые, с запахом деревьев. Мама сказала, это от нового «шампуня». От мамы домом пахнет. Вкусно.

Как-то раз моя мама с Луной говорила и надумала плакать, нос повесила. А я взял, да и сделал ей лыжи на носу: палец со лба «вжух» и поехали, а в конце – прыжок и улетел на коленку. Чтоб маме смешно стало. Чтоб мама не грустила. Мамин рот улыбнулся, а глаза почему-то – нет. Странно, ведь веселая ж игра вышла.

Я – уже большой, я много знаю. Мне мама кучу сказок прочитала, длинных-предлинных. Хотя в последнее время – у нас только полукнижки случаются. Сестра говорит, так легче носить. А мне всё равно интересно. Как дойдут до конца – прошу: «Ещё чуть-чуть, последний разочек. Пожа-а-алуйста!». А мама: «Учись сам читать – не придется просить».

И ушла ведра таскать своими моими руками.

Так и научился. Пока плохо выходит. Теперь читаю сам себе, мучаюсь, и мечтаю: вот бы еще разочек маму послушать. Самый последний разочек.

Ленинград

– Поворот, – негромко будит старшина.

По команде солдаты меняют бок. Теснота такая, что иначе не перевернуться. Они жмутся друг к другу в ночи, в яме, под брезентом, под снегом. Лишь бы дожить до утра, лишь бы не сойти с ума, лишь бы не растерять ярость и силы. Еще полночи, а значит – надо поспать, несмотря ни на что, чтоб потом снова идти в бой, прорывать блокаду, помогать тем, кто по ту сторону голода. Он должен выручить своих жену и детей. Он знает – они терпят и ждут, смотрят на Луну, просят поторопиться. Они надеются на него и тех парней, что дышат ему в затылок.

– Карта, – гавкает хмурая работница магазина. Девушка просыпается от забвения (неужели, наконец, бесконечная очередь подошла?) и протягивает заветную бумажку длинными костлявыми руками. Взамен получает три прозрачных кусочка хлеба. Тут же жадно запихивает свою порцию в рот – единственный за весь день прямоугольник еды, не считая клеевого супа. Она старается не проронить ни крошки, малодушно думая съесть и второй.

– Просыпайся, соня, – шепчут ему в ухо, глядят по голове. Он слышит мамин голос, чувствует ее руки, запах золы в волосах.

– Мама, – в полусне вскрикивает мальчик. А нет – это всего лишь голос сестры, такой похожий на мамин, а руки – всё же другие. Она – не мама! Мальчик жуёт свой хлеб и горько плачет, потому что обознался, ошибся, размечтался. Мамина порция снова спрятана подальше. Где же ты, мама?

А мама – на другом конце Города. Она лежит неподвижно на мерзлой земле с распахнутыми на Луну глазами. Мама больше не слышит лунное радио, не передает сообщений. Мама мечтала выбраться из Города. Мамина мечта сбылась. Мамы здесь больше нет.

Посвящается всем героям блокадного Ленинграда. Мы думаем о вас, помним, сопереживаем!